

МЭРИ ДЭСТИ,
ЕДИНСТВЕННАЯ
БЛИЗКАЯ
ПОДРУГА
ДУНКАН

ная Айседора! Вот так и никаких обязательств! А всего хуже то, что Дункан сама ждала от Крэга ребенка. Но нельзя же изменять принципам. И Айседора, сжав зубы, простила Крэга.

Чем дело кончилось, мы узнаем от лучшей подруги Дункан и впоследствии ее биографа Мэри Дэсти. Перед родами Айседора хотела... утопиться. Потому что Крэг поставил ей ультиматум: или он, или танцы. Она-то думала, что нужна ему в качестве вольной птицы, а оказалось, что домашней курицы. Так ведь из двух вольных птиц не составить пару. Никогда упрямая Айседора не захочет этого признать.

«Айседора! — восклицала Мэри с присущим подругам здравым смыслом. — Неужели ради танцев ты лишишь своего ребенка отца?» Обывательский вопрос! Ради танцев Дункан не только лишила отца свою дочь от Крэга — Дидру. Через несколько лет она лишила отца и своего сына Патрика. Отцом второго ребенка Айседоры стал Парис Зингер, потомок производителей швейного оборудования Зингеров. Вокруг, разумеется, все недоумевали: отказаться от миллионера, сулившего золотые горы, подарившего дом в лучшем районе Парижа, обещавшего построить театр! Но надо было знать Дункан. Она считала, что достаточно сильна, чтобы противостоять соблазнам глупого женского счастья.

цевала сцену расставания с воображаемым возлюбленным. Никакой вычурности, аффектированных прыжков, простые естественные движения. Но что-то в этом было. Видно, в этом была сама любовь, потому что после концерта чопорная, застегнутая на все пуговицы фрау Вагнер бросилась за кулисы целовать Дункан и выражать ей свой ну просто сумасшедший восторг. И уж совсем пикантная деталь: Козима стала настаивать, чтобы ее провели к партнеру Айседоры: ведь — ах! — он был так великолепен! Госпожа Вагнер отказывалась верить, что у Дункан не было никакого партнера и она танцевала сама с собой!

СЧАСТЬЕ ХОРОШО, А ТАНЦЫ ЛУЧШЕ

Увы, как ни хотелось Айседоре совместить свое искусство с любовью, это всякий раз оказывалось тщетно. Нет-нет, слова «семья» и «брак» она презирала почти так же, как слово «балет». Что же касается любви... В любви, по ее мнению, люди должны быть так же свободны, как и в танце. Никаких обещаний, никаких обязательств. Тогда эмансипация не зашла еще так далеко, поэтому и в этом Айседора выглядела белой вороной.

К 1904 году к ногам Айседоры пали все европейские столицы. Разгадка «эффекта Айседоры», как тогда выражались, очень простая: Дункан умела... говорить телом. Умела, и все. И никто ее этому не учил. Разве что застывшие греческие нимфы. А копировала она их потому, что считала античное искусство самым прекрасным на свете и всячески призывала к нему вернуться. Была ли у нее специальная техника? Наверное, была. На протяжении жизни Айседора упорно пыталась научить ей дру-

И все же, когда онашла у себя в примерке письмо, в котором анонимный доброжелатель ставил ее в известность, что... Нет, она просто отказывалась верить своим глазам. У ее возлюбленного — известного театрального декоратора Гордона Крэга — кроме нее, Дункан, есть другая женщина, зовут ее Елена Мэо. И у этой самой Елены уже имеется от Крэга двое детей! Бедная, бед-

1913 г. АЙСЕДОРА С ДИДРОЙ И ПАТРИКОМ. ПРОЙДЕТ СОВСЕМ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ, И ДЕТИ ПОГИБНУТ В ЧУДОВИЩНОЙ КАТАСТРОФЕ...

...ВОТ И ВСЕ. ИЗ СЕНЫ ДОСТАЮТ АВТОМОБИЛЬ-УБИЙЦУ

СУДЬБЫ НЕ МИНОВАТЬ

Однажды на концерте, импровизируя под музыку «Траурного марша» Шопена, Дункан неожиданно впала в своеобразный транс: ей померещились на сцене две огромные птицы. Черные и зловещие. Дункан с трудом довела выступление до конца, потому что ее парализовали страх и предчувствие смерти.

Не прошло и недели с момента видения, как случилась трагедия. Двое детей Дункан — 6-летняя